З. Фрейд. О сексуальном просвещении детей (Открытое письмо доктору М. Фюрсту) (1907)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Фрейд написал это «открытое письмо» по запросу гамбургского врача, доктора М. Фюрста, который его опубликовал в издаваемом им журнале, посвященном проблемам социальной медицины и гигиены. Фрейд использует здесь часть материала из случая «маленького Ганса» (1909), анализ которого к моменту публикации данного сочинения все еще продолжался. В ранних изданиях «открытого письма» о мальчике говорится как о «маленьком Герберте; начиная с издания 1924 года его имя было изменено на «шленький Ганс». Некоторые из затронутых вопросов (сексуальное любопытство детей, образование инфантильных сексуальных теорий) более подробно рассматриваются в следующей опубликованной в **этом** томе работе «Об инфантильных сексуальных теориях».

Уважаемый коллега!

Когда Вы просите меня высказаться о «сексуальном просвещении детей», я предполагаю, что Вы не ждете настоящей официальной статьи, гдеучтена вся литература, количество которой превосходит всякую меру, а хотите услышать независимое суждение отдельного врача, профессиональная деятельность которого побудила его заняться сексуальными проблемами. Я знаю, что Вы с интересом стелили за мои научными изысканиями и поэтому в отличие от мнопкдртгх коллег не отметаете меня с ходу[7] из-за того, что я усматриваю в психосексуальной конституции и в нарушениях сексуальной жизни наиболее важные причины столь часто встречающихся невротических заболеваний; также и мои «Три очерка по теории сексуальности» [19054 см. выше, е. 47 и далее], в которых я описываю составляющие полового влечения и нарушения в развитии полового влечения в сексуальную функцию, недавно были любезно упомянуты в Вашем журнале.

Итак, я должен ответить Вам на вопросы, следует ли вообще давать детям информацию о фактах половой жизни, в каком возрасте это может происходить и каким способом. Примите в самом начале мое признание, что дискуссию по втором)[7] и третьему пункту я нахожу вполне разумной, но для меня совершенно непостижимо, каким образом первый из этих вопросов мог стать предметом разногласий. Чего, собственно, желают добиться, скрывая от детей — или, скажем, молодежи—такие сведения о половой жизни людей? Боятся преждевременно пробудить к этим вещам их интерес, прежде чем он у них сам проявится? Надеются таким умолчанием вообще сдержать половое влечение до того времени, когда его удастся направить на путь, единственно открытый ему гражданским устройством общества? Думают, что дети не будут проявлять никакого интереса к фактам и тайнам половой жизни или их не поймут, если на них не будут указывать посторонние люди? Не считают возможным , что знание, в котором им отказывают, будет доставлено другим путем? Или действительно всерьез полагают, что все относящееся к половой жизни дети впоследствии- могут расценить как низменное и отвратительное, от

чего их как можно дольше хотели удержать родители и воспитатели?

Я действительно не знаю, в каком из этих намерений я должен усмотреть мотив действительного утаивания сексуального от детей; я знаю только, что все они одинаково безрассудны и что мне будет трудно снабдить их серьезными опровержениями. Но я вспоминаю, что в семейных письмах великого мыслителя и человеколюба Муль-татули нашел несколько строк, которые в качестве ответа могут быть более чем удовлетворительными'.

«В целом, как мне кажется, отдельные вещи становятся слишком завуалированными. Поступают правильно, когда пытаются сохранить в чистоте фантазию детей, но эту чистоту нельзя уберечь незнанием. Я скорее считаю, что сокрытие чего бы то ни было еще больше побуждает мальчика и девочку подозревать правду. Из любопытства выведывают вещи, которые не вызвали бы у нас большого интереса, если бы о них рассказывали без особых подробностей. Если бы хоть можно было сохранить это незнание, то я бы е этим еще смирился, но это невозможно; ребенок вступает в соприкосновение с другими детьми, ему попадают в руки книги, которые наводят его на размышления; и именно скрытнхгчанье, с которым обсуждается то, что тем не менее было усвоено от родителей, усиливает желание больше узнать. Это желание, удовлетворенное только частично и только украдкой, раскаляетсердце и портит фантазию, ребенок уже грешит, ародители по-прежнему думают: что такое грех — ему неведомо».

Я не знаю, как можно было бы сказать об этом лучше, но, наверное, кое-что можно добавить. Несомненно, к «скрытничанью» перед детьми побуждает взрослых не что иное, как обычная жеманность и собственная нечистая совесть в вопросах сексуальности; но, возможно, здесь также замешано и теоретическое незнание, которому можно противодействовать через просвещение взрослых. Они полагают, что у детей отсутствует половое влечение и что оно появляется у них только в пубертатный период с созреванием половых органов. Это—грубое заблуждение, чреватое последствиями как для познания, так и для практики. Его настолько легко исправить с помощью наблюдения, что приходится удивляться, как вообще оно могло возникнуть. На самом деле новорожденный появляется на свет, уже обладая сексуальностью, известные сексуальные ощущений сопровождают его развитие в младенческом и детском возрасте, и лишь немногие дети могут избежать сексуальных проявлений и ощущений до своего пубертата. Кто хочет познакомиться с подробным изложением этих утверждений, может найти их в моих упомянутых «Трех очерках по теории сексуальности». Он там узнает, что собственно репродуктивные органы не являются единственными частями тела, которые передают ощущения сексуального удовольствия и что природа принудительным образом распорядилась так. что даже раздражения гениталий неизбежны в детском возрасте. Этот период жизни, в котором вследствие возбуждения различных участков кожи *(эрогенных зон),* осуществления известных биологических влечений и в качестве сопутствующего возбуждения при многих аффективных состояниях создается определенное количество сексуального удовольствия, обозначается введенным Хэвлоком Эллисом [1S98] выражением «период *аутоэротизма».* Пубертат не совершает га wero другого кроме того, что среди всех создающих удовольствие зон и источников устанавливает примат гениталий и этим вынуждает служить эротику

функции размножения; этот процесс, разумеется, может подвергаться определенным торможениям и у многих людей — будущих извращенцев и невротиков — совершается лишь не полностью. С другой стороны, ребенок способен к большинству психических проявлений любовной жизни (нежности, преданности, ревности) задолго до достижения пубертата, и довольно часто также прорыв этих душевных состояний к телесным ощущениям приводит к возникновению сексуального возбуждения, а потому ребенок не может оставаться в сомнении относительно единства того и другого. Говоря кратко, задолго до пубертата ребенок является готовым—за исключением способности к размножению — любовным существом, и можно сказать, что с помощью того «скрытничанья» у него лишь задерживают способность к интеллектуальному овладению такими проявлениями, к которым он подготовлен психически и приноровлен соматически.

Интеллектуальный интерес ребенка к загадке половой жизни, его сексуальная любознательность также выражается в неожиданно раннем возрасте. Родители словно слепы к этому интересу ребенка или тут же стараются его заглушить, если не могут его не заметить и если не могут чаще делаться наблюдения, подобные тому, о котором я теперь сообщу. Я знаю одного прекрасного мальчика, которому сейчас четыре года и разумные родители которого отказались насильственно подавлять часть развития ребенка. Маленький Ганс.

который, несомненно, не подвергался никаким соблазняющим влияниям со стороны няни, уже в течение некоторого времени проявляет самый живой интерес к той части своего тела, которую он обычно называет «вивимахером». Уже в три года он спросил мать: «Мама, ау тебя тоже есть вивимахер?», на что мама ответила: «Конечно, а ты как думал?» Этот же вопрос он несколько раз задавал отцу. В этом же возрасте, впервые придя в хлев, он увидел, как доят корову, и затем с удивлением воскликнул: «Смотрите, из вивимахера идет молоко». В три года и девять месяцев он бьи на пути к тому, чтобы с помощью своих наблюдений самостоятельно открыть верные категории. Он видит, как из локомотива выпускают воду и говорит: «Смотрите, локомотив делает виви; но где же его вивимахер?» Позднее он задумчиво добавляет: «У собаки и лошади есть вивимахер, у стола и стула—нет». Недавно он наблюдал, как купают его недельного возраста сестричку, и при этом отметил: «Ее вивимахер пока еще маленький. Когда она вырастет, он станет больше». (Такую же точку зрения на проблему половых различий мне высказывали также другие мальчики того же возраста.) Я хотел бы категорически возразить, что маленький Ганс — чувственный и уж тем более патологически предрасположенный ребенок; я только думаю, что он не был запуган, не мучается сознанием своей виновности и поэтому простодушно сообщает о том, что происходит в его уме.

Второй большой проблемой, которая ставит задачи мышлению детей—пожалуй, только в чуть более позднем возрасте, — является вопрос о происхождения детей, который чаще всего связывается с нежелательным появлением нового маленького брата или сестрички. Это самый давний и самый жгучий вопрос юного человечества; кто умеет толковать мифы и предания, может уловить его из загадки, которую фиванская Сфинкс загадывает Эдипу. Ответами, употребительными в детской комнате, наносится вред искреннему исяикдодательскому влечению ребенка, в большинстве случаев впервые подрывается также его доверие к своим родителям; отныне в большинстве случаев он начинает не доверять взрослым и скрывать от

нихсвои самые интимные интересы. Небольшой документ — письмо лишенной матери одиннадцатилетней девочки, которая рассуждала о проблеме со своей младшей сестрой - может продемонстрировать, в какой мучительной форме нередко проявляется эта любознательность старших детей.

«Дорогая тетя Мали!

Я прошу тебя, будь добра и напиши мне, как у тебя появилась Кристель или Пауль. Ведь ты должна это знать, потому что ты замужем. Вчера мы как раз об этом спорили и хотим знать правду. Ведь у нас нет никого другого, кого мы, могли бы спросить. Когда вы приедете в Зальцбург? Знаешь, дорогая тетя Мали, мы никак не можем понять, как аист приносит детей. Трудель считала, что аист приносит их в рубашке. Тогда нам хотелось бы также знать, берет ли он их из пруда и почему в пруду никогда не видно детей. Прошу тебя, скажи мне также, откуда люди заранее знают, когда они появятся. Напиши мне об этом подробный ответ.

С тысячей приветов и поцелуев от нас всех твоя любопытная Лили».

Я думаю, что это трогательное письмо принесло обеим, сестрам необходимое разъяснение. Позднее его автор заболела тем неврозом, который проистекает от оставшихся без ответа бессознательных вопросов, — навязчивой умственной жвачкой.

Я не думаю, что имеется лишь одна-едниственная причина, чтобы отказывать детям в разъяснении, которого требует их любопытство. Разумеется, если воспитатель намеревается как можно раньше задавить способность детей к независимому мышлению ради столь высоко цегпгмого «усердия», то этого нельзя сделать лучше, чем через дезинформацию в сексуальной и через запугивание в религиозной областях. Правда, более сильные натуры противостоят этим влияниям и становятся мятежниками по отношению к родительскому, а позднее и к любом)' другому авторитету. Если дети не получают тех разъяснений, за которыми обратились к старшим, то они в тайне продолжают мучиться проблемой и предпринимали попытки решения, в которых подозреваемое верное самым удивй тельным и причудливым образом смешивается с неверным, или, сплетничают, сообщая друг другу сведения, в которых вследствие сознания вины юными исследователями на сексуальную жизнь накладывается отпечаток чего-то ужасного и отвратительного. Пожалуй, эти детские сексуальные теории стоят того, чтобы их собрать и проанализировать. С этого момента большинство детей утрачивают единственно правильное отношение к вопросам пола, а многие из них впоследствии так его вновь и не обретают.

Похоже, что подавляющее большинство авторов мужского и женского пола, писавших о сексуальном просвещении молодежи, высказываются в одобрительном смысле. Но из неуклюжести большинства предложений, касающихся того, когда и как это должно происходить, можно заключить, что эта уступка им далась нелегко. Совершенно особняком, согласно моим знаниям литературы, стоит замечательное разъяснительное письмо, которое госпожа Эмма Экштейн написала своему десятилетнему сыну. Когда обычно де-лаюттак, что в течение самого долгого времени от детей скрывают всякое знание о сексуальной сфере, чтобы затем в высокопарно-торжественных словах однажды даровать им лишь наполовину откровенные сведения, которые ко всему прочему чаще всего еще и запаздывают, то это, очевидно, не совсем правильно. Большинство ответов на вопрос «Как

мне об этом сказать моему ребенку?» производят, по крайней мере на меня, такое жалкое впечатление, что я бы предпочел, чтобы родители вообще не брались за разъяснение. Речь скорее идет о том, чтобы детям не приходила мысль, будто из фактов половой жизни для них хотят сделать тайну, подобно всему остальному, что еще не доступно их пониманию. И чтобы этого достичь, необходимо с самого начала обсуждать половую жизнь точно так же, как и все остальное достойное изучения. Прежде

всего это задача школы — не уклоняться от упоминания половой сферы, рассказывать о важных фактах размножения на уроках зоологии и тут же подчеркивать, что все существенные характеристики своей организации человек разделяет с высшими животными. И если затем дома не стремятся задавить любознательность, то, наверное, чаще будут происходить эпизоды, подобные тому, который мне однажды довелось невольно наблюдать в детской комнате, когда мальчику упрёкал свою младшую сестричку: «Ну как ты можешь думать, что маленьких детей приносит аист. Ты ведь знаешь, что человек — это млекопитающее, и все же веришь тому, что аист приносит *другим* млекопитающим малышей?» В таком случае любопытство ребенка никогда не достигнет высокой степени, если будет находить соответствующее удовлетворение на каждом этапе обучения. Разъяснение специфически человеческих условий половой жизни и указание на ее социальное значение следовало бы тогда давать в конце учебы в начальной школе (и перед поступлением в среднюю), то есть не в десять лет или позже. Наконец, момент конфирмации как никакой другой подходит для того, чтобы ребенку, уже просвещенному во всех вопросах телесной сферы, изложить нравственные обязанности, связанные с осуществлением влечения. Такое постепенное и, в сущности, непрерывное просвещение в вопросах половой жизни, в котором инициатива принадлежит школе, кажется мне единственным, которое учитывает развитие ребенка и поэтому благополучно избегает имеющейся опасности.

Я считаю самым значительным прогрессом в воспитании детей то, что французское государство вместо катехизиса ввело книгу, которая сообщает ребенку первые знания о его гражданском положений и однажды выпадающих на его долю этических обязанностях. Но этот элементарный урок в плохом смысле неполон, если он не охватывает также область половой жизни. Здесь имеется пробел, восполнить который должны воспитатели и реформаторы! В государствах, которые полностью или частично передали воспитание детей в руки духовенства, такого требования, разумеется, выдвигать нельзя. Священнослужитель никогда не согласится с однородностью человека и животного, так как он не может отказаться от идеи о бессмертной душе, которая ему нужна для того, чтобы обосновать моральное требование. Таким образом, снова доказывается на деле, что неразумно нашивать на превратившуюся в лохмотья юбку единственный шелковый лоскут, что невозможно проводить отдельную реформу, не меняя основ системы!